

ПРОКСОНИМЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

© 2012 С. В. Лебедева¹, В. В. Денисова²

¹докт. филол. наук, профессор,
зав. каф. профессиональной коммуникации и иностранных языков
e-mail: lebed@kursknet.ru

²аспирант каф. профессиональной коммуникации и иностранных языков
e-mail: veravdenisova@gmail.com

Курский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению психолингвистических основ проксимации в индивидуальном сознании. С применением метода анализа значения слов через универсальные семантические примитивы, на основе трактовки субъективного восприятия проксонимов политической коммуникации верифицируется предположение о том, что критерии близости значения образуют в сознании носителей языка систему, включающую в себя образы и признаки, актуальные для текущей ситуации восприятия.

Ключевые слова: индивидуальное сознание, проксимация, образ, политическая коммуникация, ассоциативный эксперимент, методика субъективных дефиниций, семантические примитивы.

Для современной теории языка характерна высокая степень интегративности, поскольку языковые феномены помещаются в новую систему координат. Таким образом, новые технологии и методы исследования способствуют изменению понимания самого языкового факта через экспликацию его новых характеристик. Непреходящая актуальность проблем, связанных с вербальным воздействием на индивидуальное и общественное сознание, определяется местом и ролью слова в истории человека и человечества. Признается, что слово, как функциональная значимость, вовлеченное в сферу жизнедеятельности человека, предполагает знание связей и отношений между объектами окружающего мира, индивидуальный опыт практического владения способами и операциями, возможными в человеческой общности при взаимодействии с теми или иными объектами или явлениями [Величковский 2006].

По мнению М. М. Бахтина, реальное значение слова принадлежит реальному речевому субъекту и вне этой формы существовать не может. Он принимал необходимость изучения языка как специфического предмета лингвистики, но в то же время утверждал, что с помощью одной лингвистики нельзя адекватно объяснить высказывание. Ученый связывал понятие высказывания с говорящей личностью, говорящим сознанием. Его объяснение говорящего сознания применимо и к письменному, и к устному общению и касается вопросов, связанных с позицией говорящего субъекта, его понятийным горизонтом, намерениями и взглядами на мир [Бахтин 1979].

Своеобразную стихию слова отмечает А. Ф. Лосев. По его мнению, слово – не статично, не спокойно, не устойчиво. Оно всегда в движении, в энергии, в порождении, в мыслительной активности. Знать правильные имена вещей – значит уметь владеть вещами. Уметь владеть именами – значит мыслить и действовать магически [Лосев 1982].

Можно сказать, что произошла определенная переоценка ценностей, которая объясняется необходимостью внимания к человеку как субъекту, обладающему

определенными интеллектуальными и личностными качествами. В современной науке о языке частные знания о различных его аспектах включаются учеными в широкую картину образа человека, его отношения с предметным миром, поведения, деятельности, в том числе и социальной.

Политическая коммуникация представляет собой такую сферу человеческой деятельности, в которой наиболее полно реализуются связи между языком и социальными процессами, возможность проявления которых реализуется в системе «человек—социум». Национальные интенции к оформлению собственного языкового пространства выступают в качестве гуманистических доминант нашего времени и заставляют искать ответы на вопросы, затрагивающие каждого человека, большие социальные общности и человечество в целом. Нынешний лингвистический поворот – это изменение в исследовательском поле, детерминированное существенными трансформациями в практической деятельности многих людей.

Можно с уверенностью говорить о том, что на современном этапе развития информационной цивилизации социальная и политическая риторика, специальные языки, терминология являются основной коммуникационной средой, где решаются большинство значимых для общества и, соответственно, для индивида задач. В процессе взаимодействия языка и действительности необходимо особо подчеркнуть активность психического отражения, которое формируется через непрерывное взаимодействие человека с окружающим миром. Нельзя не заметить, что за последние годы естественный язык трансформировался в особую структуру, которая обеспечивает неуклонный рост объема функционирования «политизмов», оказывающих влияние на сознание и мышление человека и способствующих формированию новых когнитивных структур познания современного информационного пространства.

Признавая важную роль языка в системе знаний человека об усложняющемся современном мире, мы рассматриваем политическую коммуникацию как специфический инструмент приобретения социального личностного знания. В настоящее время уже невозможно игнорировать тот факт, что специфика процессов политизации естественного языка зависит в первую очередь не от характеристик слова как элемента системы языка, а от взаимодействия носителя языка с окружающим миром. Всякая коммуникация личностно ориентирована, она состоит из определенной системы лексики, детерминированной свойствами личности. Работа механизма репрезентации значения любого слова в конечном итоге предопределена семантикой исходного слова, которая в свою очередь является отражением реальности в активно действующем сознании человека.

Процесс проксимации – это многоступенчатая и, по всей видимости, неоднородная по своей природе мыслительная деятельность. С одной стороны, она включает понимание слова, то есть акт перевода информации, выраженной вербально, на образный, предметный код, а с другой – ее можно рассматривать как акт порождения новой информации, увязываемой со словом. Несомненно, это две слитые воедино стороны одного процесса и разграничить их можно во времени только условно. Связь между предметами или явлениями по сходству или подобию устанавливается на основе чувственных или интеллектуальных интуиций, когда человек не осознает, по каким именно признакам он выделил сходство. Актуализация отдельного наиболее рельефного признака объекта неизбежно сопровождается подсознательным учетом и других характеристик этого объекта, одновременно включенного в некоторую ситуацию, в свою очередь находящуюся в составе более полного фрагмента индивидуальной картины мира.

Сейчас становится достаточно очевидным тот факт, что ассоциативный эксперимент позволяет обнаружить характеристики психологической структуры значения слова, которые отражают контекст, специфичный для исследуемой категории испытуемых (ии.) – носителей того или иного языка в определенный период времени. При трактовке языка как живого знания представляется возможным говорить о внутреннем контексте как перцептивно-когнитивно-аффективном образовании динамического характера, подчиняющемся закономерностям психической жизни человека.

В нашей работе речь идет о выявлении того, что именно активируется во внутреннем лексиконе при переживании носителем языка слов как близких по значению. Возвращаясь к проблеме параметров близости значения, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что в сознании и подсознании человека критерии близости значения образуют систему, включающую в себя образы и признаки, актуальные для текущей ситуации восприятия.

Для проверки выдвинутой гипотезы был проведен анализ экспериментальных данных, полученных в результате проведения ряда ассоциативных экспериментов и при выполнении задания дать субъективные дефиниции рассматриваемых слов. В отличие от проведенного ранее исследования [Лебедева 2002], в данной работе мы ставим задачу не только расширить трактовку лингвистического понятия близости значения слов, но и рассмотреть психолингвистические основания близости значения слов у индивида. Для этого нами был использован разработанный А. Вежбицкой метод анализа значения слов через универсальные семантические примитивы, выступающие в роли современной версии метаязыка, которая позволяет построить усовершенствованные толкования языковых концептов.

А. Вежбицкая предлагает набор семантических примитивов, совпадающих с набором лексических универсалий и лежащих в основе человеческой коммуникации и мышления [Wierzbicka 1992]. Речь идет о понятиях, которые получили воплощение во всех языках мира и могут рассматриваться как семантические примитивы, из которых строятся все остальные понятия. Получаемые таким образом толкования – это своего рода прототипические модели поведения, которые задают последовательность мыслей, желаний и чувств. Однако, как отмечает А. Вежбицкая, «эти модели поведения можно рассматривать как формулы, предусматривающие строгое разграничение необходимых и достаточных условий, <...> и эти формулы не допускают размытости границ между понятиями» [Вежбицкая 1996: 326]. Поскольку семантический метаязык примитивов разработан на эмпирической основе и позволяет обрисовать и сравнить все понятия, выражаемые в языке, нам представляется возможным использовать его для толкования необходимых и достаточных условий близости значения слов в сознании носителя русского языка. В нашей работе толкование – это предположение о значении слов-синонимов, полученное от носителей языка через анализ материалов ассоциативных экспериментов и/или субъективных дефиниций. Если исходные слова близки по значению, то экспликация их значения должна полностью или частично совпадать и давать объяснение сходства или различия. Принятая версия метаязыка и обширный корпус экспериментальных данных позволяют выявить достаточно большой набор оснований близости значения слов для того, чтобы обнаружить системную организацию критериев близости значения в сознании человека и продемонстрировать, что используемый метод действительно работает в этой области исследования.

В список для анализа были включены следующие примитивы: «субстантивы» – я, ты, кто-то, что-то, люди; «детерминаторы и квантификаторы» – этот, тот же самый, другой, один, два, много, все/весь; «ментальные предикаты» – думать, говорить, знать, чувствовать, хотеть; «действия и события» – делать, происходить, случаться; «оценки»

– хороший, плохой; «дескрипторы» – большой, маленький; «время и место» – когда, где, после/до, под/над; «метапредикаты» – не/нет/отрицание, потому что/из-за, если, мочь; «интенсификатор» – очень; «таксономия и партономия» – вид/разновидность, часть; «нестрогость/прототип» – подобный/как.

В рамках статьи мы ограничимся анализом ассоциаций, полученных на слова синонимического ряда: АГРЕССИЯ – ИНТЕРВЕНЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ – НАПАДЕНИЕ. Анализ экспериментальных данных позволяет выделить следующие общие компоненты ассоциативных реакций: АГРЕССИЯ – человек, войска, страна, человек чувствует что-то плохое, не может помочь, чувствует горе, страх, ужас, не должно быть, не хочу; ИНТЕРВЕНЦИЯ – человек, войска, страна, человек чувствует горе, страх, ужас, не хочу, смерть, плохо, не могу помочь; ВТОРЖЕНИЕ – человек, страна, человек чувствует горе, страх, бессилие, ужас, войска, не хочу. НАПАДЕНИЕ – человек, страна, человек чувствует горе, страх, бессилие, войска, не хочу.

На основании выделенных компонентов можно судить о том, какой субъективный опыт связан у испытуемых (далее – ии.) с этими словами. Они толкуются ии. при помощи определенных прототипов. Близость значения слов задается ситуациями, которые могут быть описаны при помощи ментальных сценариев. Можно предположить, что все близкие по значению слова связаны у индивида со следующими переживаниями: «происходит что-то очень плохое», «я чувствую ужас, страх, горе, бессилие», «я не могу ничего сделать, не могу помочь». Можно предположить, что полученные толкования напоминают прототипические модели, отражающие последовательность мыслей и чувств человека, а также систему неосознаваемых сходств и противопоставлений.

Экспериментальный материал можно подразделить на ряд групп. Первая группа связана с идеей о том, что происходит с людьми плохого или хорошего, вторая группа – с тем, что делают люди – хорошее или плохое. Критерий выделения третьей группы – это представление о том, что мы думаем по поводу некоторого явления. Четвертая группа передает эмоциональные переживания личностного характера. Таким образом, для носителя языка близость значения слов основана на эмоциональных переживаниях и субъективном опыте. Близкие по значению слова имеют сходную сферу употребления, поэтому реакции носителей языка должны показать сходство и различие их использования. Обозначенный подход согласуется с концепцией чувственного отражения, сложившейся в отечественной психологии на основании исследований Б. Ф. Ломова и его учеников. Согласно Б. Ф. Ломову, основными уровнями отражения являются перцептивные процессы, представления, речемыслительные процессы и понятийное мышление [Ломов 1984]. Сенсорно-перцептивное отражение формируется в условиях непосредственного взаимодействия субъекта с объектами и развертывается в реальном масштабе времени в тот момент, когда объект действует на органы чувств. Уровень сенсорно-перцептивного отражения включает антиципацию и выступает как опережающее отражение. Представления – это уже обобщенные образы предметов, они, как правило, формируются в процессе многократного восприятия объекта. При этом происходит селекция признаков объекта, их интеграция и трансформация – случайные отсеиваются, фиксируются наиболее характерные (информативные). В представлении структура образа меняется, он схематизируется, приобретает панорамность, что дает возможность выхода за наличную ситуацию. Как полагает Б. Ф. Ломов, «уровень понятийного мышления – это переход к стадии, когда разрываются рамки индивидуального опыта, а точнее, в индивидуальный опыт включается огромный багаж знаний, накопленный человечеством. Для фиксации результатов овеществления и абстрагирования и для

использования их в коммуникации используются знаки и знаковые системы, в том числе и в первую очередь – язык» [Там же: 169].

Участниками свободного ассоциативного эксперимента были 160 испытуемых-студентов, возраст варьировался от 18 до 24 лет, 60 мужчин и 100 женщин. Исследование проводилось в разные периоды времени – первое имело место в 2002 году, второе – в 2011 году. В качестве стимулов выступали слова, составляющие синонимический ряд АГРЕССИЯ – ИНТЕРВЕНЦИЯ – ВТОРЖЕНИЕ – НАПАДЕНИЕ.

Приведем данные на слово-стимул АГРЕССИЯ. Группировка реакций по общности оснований для их связи с исходным словом (и тем самым, по их смысловой близости друг другу) дает следующую картину структуры ассоциативного поля.

Фрагмент ассоциативного поля слова АГРЕССИЯ, полученный в 2002 году

Среди реакций наиболее частотными оказались – *война, политика, блок НАТО, нападение, нарушение границы, Вьетнам, Америка, армия, Афганистан, бандиты, штурм, покушение, защита, защитник, солдат, Родина, фашистская Германия, немцы, Ангола, смерть.*

Далее идут реакции, через которые ии. высказывают свое отрицательное отношение к агрессии, это – *не пройдет, нет, никогда, не будет, нельзя, поставить заслон, лечь грудью за Родину, никогда не будет.*

Часть реакций свидетельствует о более или менее четко выраженном осуждении агрессии (причем эти реакции характерны для женщин): через оценочные характеристики – *ужасная, страшная, кровавая, ненавистная*; через проявления чувств, связанных с агрессией, – *ужас, страшно, ужасно, противно*; через явления, связанные с агрессией, – *голод, разруха, потеря дома, призыв в армию* и т.д.

Имеются также реакции (они свойственны мужчинам), отражающие нейтральное отношение, социальный опыт, фрагменты знания ии.: *непродолжительная, внезапная, происходит, длится, несправедливая, захватническая, нарушение суверенитета, пересечение границы* и т.д.

Фрагмент ассоциативного поля, полученный в 2011 году

Наиболее частотными оказались реакции *террор, вторжение, захват, терроризм, Иран, Ирак, боевики Палестина, Израиль, заложник, поведение, оружие, Прохоров, везде и повсюду, дома, во дворе, против нашего народа, взрывы, Москва, чиновники, олигархи, бедность, безысходность* и т.д.

Следует отметить отсутствие нейтральных реакций, зарегистрирован резкий сдвиг в сторону реакций типа *безумие, предотвратить, не допустить, спасти, остановим, бесчеловечно, жестоко, антигуманно, убийство мирных жителей, чиновники, бандиты* и т.д. Среди реакций, данных испытуемыми-женщинами, наблюдается резко выраженное отрицательное отношение – *ужасная, не дай бог, рабство, потеря всего, потеря дома, не хочу, плохо, спасти страну, надо защищаться* и т.д. У мужчин преобладают реакции, связанные с определением участников агрессии и ассоциируемых с ней явлений, социальным опытом, – *армия, враги, бандформирования, плен, захват, бандитская, нарушение прав человека* и т.д.

Проведенный анализ подтвердил выдвинутую гипотезу о том, что для носителя языка существуют субъективные психологические критерии близости значения слов, детерминированные экстралингвистическим опытом и картиной мира, стоящей за словом в индивидуальном сознании индивида. Предложенный метод анализа позволяет

получить информацию о компонентах, сближающих значения лексических единиц в сознании человека.

Следует отметить, что по техническим причинам мы вынуждены ограничиться лишь фрагментами ассоциативных полей и только наиболее частотными реакциями. Однако они показывают, что накапливаемые в памяти человека эмоциональные переживания создают соответствующий фон, который определяет степень рельефности различных составляющих психологической структуры значения слова, а также направляет процесс проксимации. В то же время материалы ассоциативных экспериментов отражают варьирование «веса» отдельных составляющих психологической структуры значения слова для исследуемой социокультурной группы ии. с позиций определенного этапа развития социальных связей, событий и отношений.

Библиографический список

- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Наука, 1979. 120 с.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
- Величковский Б. М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Академия, 2006. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 432 с.
- Лебедева С. В.* Синонимы или проксонимы. Курск: Курск. гос. пед. ун-т, 2002. 203 с.
- Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 340 с.
- Лосев А. Ф.* Поток сознания и язык // Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982. С. 300–463.
- Wierzbicka A.* Semantic primitives and semantic fields // Lehrer A. & Kittay E.F. (Eds.). Frames, fields and contrasts: New essays in semantic and lexical organization. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1992. Pp. 209–227.